
ПЕРЕВОД

КЛАВДИЙ РУТИЛИЙ НАМАЦИАН ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

(Пер. и комм. Смыки О. В.)

Клавдий Рутилий Намациан — выходец из Галлии, высокопоставленный государственный деятель в Риме (*magister officiorum* в 412 г., *praefectus urbis* в 414 г.). В 416 году, через шесть лет после трехдневного захвата Рима Аларихом, Рутилий возвращается в Галлию морским путем, о чём повествует его поэма «*De reditu suo*», от которой дошла большая часть первой книги и 68 стихов второй. Она написана элегическим дистихом, отмеченным метрической правильностью; несомненна глубокая образованность автора, свободное владение поэтической техникой в традиции элегической поэзии августовского периода. Повествование динамично, описания яркие, многообразны, мастерски подаваемый познавательный материал, характеристики персонажей живы. Всё это позволяет оценивать поэму как важный исторический источник, как значительное литературное произведение.

Предлагаемая публикация — новая редакция нашего перевода, опубликованного в 1982 г.¹, выполненная с учетом последних работ по Рутилию Намациану².

Мы посвящаем эту работу Инне Андреевне Гвоздевой, неутомимой и даровитой исследовательнице истории древнего Рима.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

КНИГА ПЕРВАЯ

Быстрый отъезд мой тебя удивит, любезный читатель:
Как это можно — спешить римских лишаться усад?
Всем почитающим Рим и век не покажется долгим —
Всякий срок невелик для бесконечной любви.
5 Сколь блаженны, и как блаженны, и мне ли исчислить
Тех, кто судьбою рожден в этой счастливой земле,
Тех, кто умножил от римских отцов благородное племя
И возвеличил своей славою римскую честь!

¹ *Рутилий Намациан. Возвращение на родину* / Пер. О. Смыки // Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 281–302.

² Doblhofer, Ernst (editor) (1972, 1977). *Rutilius Claudius Namatianus: De reditu suo sive Iter Gallicum. Band I: Einleitung, Text, Übersetzung, Wörterverzeichnis. Band II: Kommentar*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter. Alan Cameron, *The Last Pagans of Rome* (Oxford University Press, 2011).

Наша глубокая благодарность Алексею Андреевичу Изотову за помощь при подготовке текста к изданию.

- 10 Ведь семена добродетели, — их небеса посылают — ,
 Больше нигде не могли так же достойно взойти.
Счастливы также и те, кому меньшая выпала доля,
 Ежели Рим и для них сделался домом родным!
Курия Рима святая открыта и славе неримлян,
 И не чужие ему, кто по заслугам свои.
- 15 Властью не меньше они, чем коллеги и все их сословье,
 И сопричастны они Гению, коего чтят.
Верим: такой же совет существует у высшего бога,
 Там, на эфирной оси сферы, объемлющей мир!
- 20 Но отрывает меня судьба от любимого края,
 И своего земляка галльские пашни зовут.
Обезобразили их бесконечные войны, и все же
 Чем неприглядней их вид, тем еще больше их жаль.
Можно простить небрежность к согражданам в мирное время,
 Здесь же общий ущерб требует личных забот.
- 25 Слезы текут из очей при мысли о дедовских кровах,
 Горем же вызванный труд часто на пользу идет,
Больше нельзя нам не знать разорения этого края —
 Мешкает помощь, и тем множит размеры беды.
Там, на полях, истерзанных после свирепых пожаров,
- 30 Время поставить дома хоть бы лачугам под стать,
Если бы наши ручьи обладали разумною речью,
 Если бы только могли наши кусты говорить,—
Их справедливый упрек меня, кто все еще медлит,
 В путь бы погнал и напярк парус печали моей,
- 35 Зов их меня победил, и разжались объятия Рима.
 Вот наконец-то настал час отправления в путь.
Мы предпочли сухопутным дорогам морскую, поскольку
 Реки в полях разлились, кручи опасны в горах.
Ныне, когда и Аврелиев путь, и этрусские пашни
- 40 Гетским огнем и мечом разорены, и когда
Всюду леса без жилья, и на реках мостов не осталось,—
 Лучше неверным волнам вверить свои паруса.
- 45 Перед разлукою мы поцелуями дверь осыпаем,
 Через священный порог ноги идти не хотят;
Молим прощенья в слезах и жертву приносим хвалою,
 В меру, насколько словам слезы дорогу дают:
- 50 «Слух преклони, о царица, прекраснее всех в твоём мире,
 Рома, чей вечный удел — в небе, исполненном звезд!
Слух преклони, о праматерь людей и праматерь бессмертных,—
 Храмы святые твои нас приближают к богам.

- Мы воспеваем тебя и будем петь до кончины,
Счастлив не будет никто, если забудет тебя.
Солнце затмится преступным забвеньем скорей, чем из сердца
Нашего может уйти это почтение к тебе.
- 55 Милости, равные солнца лучам, достигают пределов,
Где обтекающий мир волны несет Океан.
Встав из твоих земель, в твои же опустится земли
Сам всеобъемлющий Феб, мчась для тебя лишь одной,
Пламень Ливийских пустынь тебя удержать неспособен,
- 60 И не помеха тебе холод арктических звезд.
Сколь простирается ввысь животворная наша природа,
Столь же доступна земля доблести, Рома, твоей.
Разным народам единую ты подарила отчизну,
Благо — под властью твоей им беззаконье забыть.
- 65 Ты побеждённым дала участие в собственном праве,
То, что было — весь мир, городом стало одним.
Мы говорим, что Венера и Марс — основатели рода,
Мать Энеадов она, он — Ромулидов отец:
Бранную силу и мощь смягчает победная кротость,
- 70 Свойства обоих богов, Рома, присущи тебе.
Вот почему отраднo тебе и щадить и сражаться,
Грозных уметь побеждать, а побеждённых — любить.
Чтим мы богов, подаривших оливу и сок винограда,
Отрока чтим, кто вонзил в землю впервые сошник,
- 75 И врачеванью воздвигнут алтарь по заслугам Пеона,
И по заслугам Алкид в славе причислен к богам.
С ними — и ты, кто, объяв триумфом, несущим законы,
Землю, заставила всех в общем согласии жить.
Каждый римский предел тебя прославляет, богиня,
- 80 И на свободных плечах гнёт миротворный несет.
Звезды, которые мир блюдут в вековечном движенье,
Более славную власть видеть нигде не могли.
Разве такое могли сплотить мечи ассириян?
Даже мидийская власть дальше соседей не шла.
- 85 В царском доме парфян и среди македонских тиранов
Каждый имел свой черед ставить законы другим.
Было немного людей и сил у тебя при рожденье,
Мудрость, однако, в тебе и справедливость была.
Правые войны ведя и мир принося ненадменно,
- 90 К высшей мощи пришла знатная слава твоя.
Дело не в том, что царишь ты, а в том, что царишь по заслугам —
Ты начертанье судьбы делом своим превзошла.
Не перечислить трофеев твоих, возносящихся в славе,—
Легче было бы счесть звезды в ночных небесах.
- 95 Блеск твоих храмов слепит на них обращенные взоры,—
Можно поверить, что здесь сами живут божества.

- Как рассказать, что по аркам воздушным текут к тебе воды?
Радуга в тучах и та столь высоко не висит,
Впору об этом сказать, что горы до звезд дотянулись,—
100 Делом Гигантов зовет Греция труд таковой.
В стены втекают твои на путях пресеченные реки,
Пышные бани твои тратят озера воды.
Впрочем, не меньше того есть влаги и в собственных жилах,
Город так и звенит звоном природных ключей.
105 Свежим дыханьем они умеряют палящее лето,
Чистая их струя жгучую жажду уймет.
Мало того: горячий поток пробрызнул когда-то
Возле Тарпейской скалы, путь преграждая врагам.
Если бы тек он всегда, я счел бы, что это — случайность;
110 Нет: на помощь придя, в землю он скрылся опять.
Что говорить о лесах, под резным потолком заключенных,
Где доморощенных птиц пестрые песни звучат?
Здесь наслаждается год твоей бесконечной весной
И, покоряясь, зима радость твою бережет.
- 115 Вскинь же, о Рома, венчанную лавром главу и святую
Преобрази седину в юную свежесть кудрей!
Пусть башненосный венец горит золотой диадемой,
Пусть твой щит золотой вечные мечет огни!
Ты же, обиду забыв, позабудь и причину обиды,—
120 Преодоленная скорбь скрытые раны целит.
Твой ведь обычай — всегда в несчастьи думать о счастье;
Твой без убытка ущерб, как у светил в небесах.
Видишь, как звезды горят, и заходят, и снова восходят,
Как умирает луна и возрождается вновь.
- 125 Бренн, победитель при Аллии, ждал наказания недолго,
Самний за злой договор рабством своим заплатил,
Пирра смогла ты прогнать, уцелев среди многих несчастий,
Даже сам Ганнибал свой же оплакал успех.
То, что не тонет в воде, всплывает с новою силой:
130 Чем его глубже топить, тем оно легче всплывет;
Факел, опущенный вниз, обретает новое пламя,—
Так, просиявши, и ты к высям стремишься из бед.
Распростирай же в века бессмертную силу законов:
Нить роковая тебе только одной не страшна.
- 135 Тысяча сто шестьдесят тебе уже лет миновало,
И в добавление к ним год уж девятый идёт, —
Но до конца твоего никакие не мерены сроки —
Лишь бы стояла земля, лишь бы над ней небеса!
Ты укрепляешься тем, чем рушатся прочие царства:
140 Путь возрождений твоих — в том, чтобы крепнуть от бед.
Пусть же, как жертва, падёт наконец нечестивое племя,
Пусть вероломный гет в страхе поникнет главой!

- Пусть усмиренные земли несут богатые дани,
 Прибыль от варваров пусть полнит святую казну.
- 145 Все для тебя: и нильский разлив, и рейнские жатвы:
 Пусть плодородный мир кормит кормилицу-мать!
 Африка пусть тебе обильные шлет урожаи,
 Солнцем богата твоим, влагой же больше твоей.
- Пусть на латинских полях наполнятся житницы житом
 150 И гесперийский нектар густо в давальни течет.
 Пусть даже Тибр, чело увенчав камышом триумфальным,
 Воды послушно отдаст Ромула детям служить.
 Пусть по нему без помех к тебе поступают богатства:
 Сверху — сельский товар, снизу — заморский товар.
- 155 Рома, открой же мне путь в усмиренное Кастором море:
 Пусть Киферея тропу мне разровняет в волнах!
 Если я не грешил, соблюдая законы Квирина,
 Читил священных отцов, слушал их мудрый совет —
 Это не слава префекта; скорее — заслуга народа
- 160 В том, что мечу моему нечего было карать.
 Кончу ли жизнь я свою теперь в отцовских пределах
 Или глаза мои вновь смогут увидеть тебя —
 Буду я счастлив, и мне желать будет нечего боле,
 Если мне выпадет честь быть не забытым тобой».
- 165 Это сказав, отправляюсь я в путь, а друзья провожают,
 И невозможно без слез взорами молвить «прощай».
 Вот и они возвращаются в Рим, а со мной остается
 Руфий, в котором жива слава Альбина-отца.
 Имя его родовое — от древнего рода Волуса,
- 170 Что из рутульских царей, как сообщает Марон.
 Сам доверялся дворец его даровитому слову:
 Юный совсем, говорил именем принцепса он.
 А до того он подростком в проконсульской Пунике правил,
 Вместе и страх и любовь в сердце тирийцев вселив.
- 175 Ревностный дух ему обещал высокие фаски:
 Эти заслуги — залог: консулом будет и он.
 Он не хотел, но, горя, его я заставил вернуться.
 Пусть разлучились тела: сердце — одно на двоих!
- Вот я иду к кораблям, туда, где Тибр, раздвоившись,
 180 Правым своим рукавом пересекает поля.
 Левый рукав — не для нас, от глубоких песков неприступный:
 Слава осталась одна, будто им принят Эней.
 Небо бледнеет в клешнях Скорпиона, и Феб восходящий
 Больше и больше дает сроку ночной темноте.
- 185 В море идти не спешим, и у пристани медлим и медлим —
 Из-за неожиданных помех нам и досуг не в упрек:

- При захожденье Плеяд коварно бушует пучина,
Всей ополчаясь на нас яростью бурной поры.
Рады мы вновь и вновь озираться на Рим, еще близкий,
190 Взглядом скользя по холмам до утомления глаз,
Чтобы по милым местам наслаждались приглядкою очи,
Воображая, что всё видят они, что хотят.
Этим местам примета — не дым, от земли восходящий,
Той земли, где стоит целого мира оплот,
195 Хоть и прославил Гомер видение легкого дыма,
Над дорогою землей вставшего к высям небес.
Нет: в пространствах у нас небосклон и ясней и прозрачней
Там, где семь холмов явственно взору видны.
Кажется, будто бы здесь и солнце не знает заката,
200 Будто над Римом и день чище стоит и светлей.
Игрища шум циркового в ушах у меня возникает,
Крик возбужденный гласит: полон народом театр.
То ли и вправду эфир доносит знакомое эхо,
То ли желанье мое этот обман создает.
- 205 Так пятнадцать мы дней ожидали надежного моря,
Но обновилась луна, ласковой ветер подул,—
Время настало отплыть; отсылаю к делам и ученью
Нашего рода красу, друга-Палладия, в Рим.
Был этот мальчик речистый недавно из Галлии прислан,
210 Чтобы усвоить закон римского форума здесь.
Самые нежные узы меня к нему привязали:
Мне он недаром родня, мне он милее, чем сын,
Эксуперанций, отец его, край Ареморики снова
Мир научил полюбить, изгнанный было совсем,
215 Восстановил он закон, а многим вернул и свободу,
Не допустив, чтоб они были в рабах у рабов.
- Мы отплываем в тот миг на рассвете, когда понемногу
Можно опять различать краски окрестных полей.
В маленьких кимбах плывем мы и держимся к берегу близко —
220 Берег изрезанный им всюду убежище даст.
Пусть грузовые суда по летнему плавают морю —
Осенью кимбы верней: легче спастись на них.
Альзия землю прошли, а вот миновали и Пирги,—
Стали деревней большой малые встарь городки,
225 Вот церетанов земля, указал на нее корабельщик:
Имя Агиллы давно эти не носят места.
Вот перед нами и Кастр, изъеден годами и морем,
Где из развалин стены старые встали врата.
Эти места охраняет, изваян из камня простого,
230 Бог, по виду пастух, только рога у него.

- Долгие годы изгладили, видно, старинное имя,
 Раньше же (так говорят) был это «Инусов Кастр».
 Мнится: не Пан ли сошел от Менала в тирренские рощи,
 Или родные места Фавн захотел навестить?
 235 Смертное племя сей бог обновляет обильным потомством,
 Вот и ваяют его склонным изрядно к любви.
- Южный усилился Австр, и мы в Центумцеллы заходим,
 В этом спокойном порту ставим свои корабли.
 Амфитеатру подобно охвачены молами воды,
 240 Остров искусственный встал, гавань собою прикрыв,
 Две на нем башни стоят, и, в две стороны разбегаясь,
 Сузила насыпь земли правый и левый пролив.
 Мало того, что за ними — удобный простор для стоянки,—
 Чтоб на покое суда ветер шальной не трепал,
 245 Вглубь, за постройки домов, еще одна бухта заходит,
 Где неподвижность воды ветра не знает совсем,
 Словно эвбейских купален затон, где волна запертая
 Держит движения рук неторопливых пловцов.
- Бани, что названы «Бани быка», посетил я охотно,
 250 И без большого труда целых три мили прошел.
 В теплой и чистой воде нет дымной примеси серы,
 И не испорчен их вкус едкой и горькой струей.
 Даже купальщик в сомненье, как лучше использовать воду —
 Так ароматна она, так хороша на язык.
 255 Если поверить преданью, то теплые эти купальни
 Бык открыл для людей, этот источник вскопав,—
 Это ведь бык перед боем копытами комья взбивает
 И перед твердым стволом точит крутые рога.
 Или какой-нибудь бог под обманчивым бычьим обличем
 260 Людям решил открыть дар раскаленной земли:
 Разве не бог, соблазнив дитя Агенорова дома,
 Нес на бычьей спине по морю девственный груз?
 Ведь не у греков одних творятся подобные дива:
 Если от скотской ноги ключ Геликона забил,—
 265 Думаю, там и здесь одинаково это случилось:
 Конь копытом своим вырыл источник для Муз.
 Гроты здешней земли ничуть пиерийских не хуже:
 Вот и Мессала в стихах эти края воспевал.
 Милые эти стихи к дверям священным прибиты,
 270 Ими входящий пленен так, что уйти не спешит.
 Этот Мессала от первого консула род свой выводит,
 Вплоть до Публиколы мы дедов его проследим.
 Был он префектом претория, властным в своих мановеньях,
 Но знаменитее был речью своей и умом.

- 275 Он показал нам, какие основы нужны красноречью:
Если стремишься к добру — будешь и красноречив.
- Сумрак росистый уже осветило пурпурное небо,
Плещущий парус раскрыв, мы покидаем залив.
Вот Мунион миновали мы, берег, где мелей немало,
280 Узкие устья бурлят очень опасной водой.
Далее стали видны нам редкие крыши Грависков,
Города, где от болот тяжкий разносится дух.
А по соседству его зеленеют лесные дубравы,
Прямо у кромки воды сосны раскинули тень.
- 285 Видим никем не хранимые груды старинных развалин —
Это стоит, запустев, Коса меж рухнувших стен.
Важные были причины тому, но была и смешная, —
Совестно даже сказать, скрыть же улыбку нельзя:
Будто бы (так говорят) покинули граждане город
- 290 Из-за того, что у них крысы кишели в домах.
Право, легче представить бои и уроны пигмеев
И журавлиных стай строй, устремленный к войне!
Невдалеке ожидала гребцов Геркулесова Гавань,
К вечеру близился день — легче подул ветерок.
- 295 Видя остатки былых лагерей, про Сардинское бегство
Вспомнили мы — ведь туда Лепид поспешно бежал
После того, как при Косе разбила врагов соплеменных
Доблесть римских полков, храброму Катулу вслед.
Лепид явился потом еще худший: войной нечестивой
- 300 Он на сограждан пошел вместе с друзьями двумя,
Он уничтожил свободу, добытую в Мутинской битве,
И на трепещущий Рим новые двинул войска.
Третий же Лепид, на мир посягнув заговором коварным,
Общую участь имел страшных преступников всех.
- 305 Лепид четвертый мечтал прокрасться к Цезаря власти,
Но наказание понес за нечестивую связь.
Нынешний Лепид... но пусть молва ему будет судьёю,
Пусть потомство клеймит весь этот мерзостный род!
Может ли быть, что по имени в людях слагаются нравы?
- 310 Или наоборот — имя за нравами вслед?
Как бы там ни было — странный закон в латинских анналах
В том, что от Лепидов зло часто вздымало мечи.
- Вот, наконец, не дождавшись рассвета, выходим мы в море,
Ветер подул, что рожден там, на соседней горе.
- 315 Эта гора — Аргентарий, вдающийся в зыбь полуостров,
Чей двухвершинный хребет синие бухты теснит.
Если идти поперек — шесть миль ширина перешейка,
Если же морем в обход — вшестеро больше сочтешь.
Так в ионийскую хлябь врзается Истм Эфирейский,

- 320 С двух омываясь сторон сразу морями двумя.
Еле плывем, меж разбросанных скал выбирая дорогу,
Много вниманья и сил требует это от нас.
Сколько раз поменялось уже направление ветра!
Вот помогли паруса, вот они только вредят.
- 325 Издалека я люблюсь Игилия высью лесистой,—
Как не воздать ему дань самых почетных похвал!
Сам он недавно себя защитил надежной защитой —
Бог ли хранитель помог, или властитель помог.
Но неширокий пролив не пустил победителей дальше,
- 330 Словно до острова здесь целое море легло.
Жителей он у себя разоренного Города принял
И для испуганных душ верным спасением стал.
Диво, что всадник, природе назло, сухопутные войны
Вдруг на морские сменил, страхом грозя кораблям,—
- 335 Тем удивительней то, что остров — один ведь и тот же! —
Близок римлянам был, а от пришельцев далек.
- К Умбру подходим теперь, а эта река знаменита —
Устье надежный приют в бурю дает кораблям,
Вход всегда открыт, и течение ему не помеха,
- 340 Сколько бы ни бушевал на море злой ураган.
Здесь захотелось и мне сойти на приветливый берег,
Но не пришлось — моряки жаждали путь продолжать.
Мы торопились, но кончился день и кончился ветер,
И ни вперед, ни назад двинуться больше нельзя.
- 345 Располагаемся на берегу для ночного покоя,
В миртовом ищем лесу веток вечерним кострам,
Весла вбивая в песок, мастерим небольшие палатки,
Чтобы держался навес на поперечных шестах.
- День настает, налегаем на весла; хоть кажется — тщетно,
350 Все же в движенье корабль, суша уже позади.
Видим мы Ильву — она знаменита металлом халибов;
Даже норический край не изобильней рудой,
У битуригов в огромных печах не лучше расплавы,
И из сардинской земли слитки не лучше текут.
- 355 Большая польза народам в земле, приносящей железо,
Нежели в желтом песке Тага в тартесском краю.
Золото пагубно тем, что оно порождает пороки,
К золоту смертная страсть вводит во всяческий грех.
Золото гасит нередко и брачного факела пламя,
- 360 Даже объятия дев дождь золотой покупал.
Куплена золотом честь — и предана мощная крепость,
К золоту падкий порок бьется в подкупных делах.
Ну, а железом, напротив, целинные пахутся земли,
К жизни дорогу оно людям впервые дало.

- 365 Полубогов поколение не знало железного Марса,
Против свирепых богов было железо у них.
Голые руки людей не могли бы служить им защитой,
Если б железо для них новой не стало рукой.
Так рассуждая, гасил я досаду на ветер ленивый,
370 Слушая вскрики гребцов под переменный напев.
371
- Нам утомительный путь преграждает Фалерия вскоре,
Хоть не прошел еще Феб и половины пути.
Видим: крестьяне веселые на перекрестке деревни
Отдых нашли от забот в шутках, угодных богам.
375 Это ведь день был, когда Осирис, опять возвратившись,
Силу рождает в ростках снова плоды приносить.
Выйдя на берег, на виллу идем и гуляем по роще,
Видим: в кольце берегов милый лежит водоем —
Пруд отгорожен от моря, и волны его ие колышут,
380 Рыбки веселые в нем могут спокойно играть.
Но поплатиться пришлось нам за отдых на месте прелестном:
Злее хозяин наш был, нежели сам Антифат.
Вздорный был иудей управляющим в этом именье,
Даже гнушавшийся есть вместе с другими людьми.
385 Стал он кричать, будто мы и кусты повредили и траву,
Будто испортили мы воду в бассейне, кричал.
Бранью и мы отвечали исчадью породы, где люди
Край детородных частей режут, про стыд позабыв.
В глупости укоренясь, с холодной субботою в сердце,
390 Сердцем они холодной даже субботы своей.
День они каждый седьмой обрекают на мерзкую леность,
Слабым подобьем хотят бога усталого стать.
Много бредней у них, в которые, я полагаю,
Верить не может никто даже из малых детей.
395 Лучше бы никогда, ни в войнах Помпея, ни Тита
Нам Иудею себе не удалось покорить!
Взрезанный чумный бубон лишь больше бывает заразен,
И побеждённый народ победоносных гнетет.
- Дует встречный Борей, но мы, полагаясь на весла,
400 Боремся с ветром, едва звезды погасли в заре.
Вскоре открылся для нас Популонии берег надежный,
Там, где природный залив врезался в землю её.
Здесь не возносится ввысь громада фаросской постройки,
Той, что светом ночным видима издалека,—
405 Но от старинных времен дозорная высится башня —
Здесь, на отвесном мысу, над укрощенной волной.
Людам двоякую пользу такое несло укрепленье —
И охраняя страну, и отмечая залив.

- Но невозможно узнать этот памятник века былого:
410 Город, когда-то большой, едкое время снесло.
Только следы остаются от стен, которые пали,
Кровли еле видны из-под обломков камней.
Будем ли мы сокрушаться, что брэнная плоть погибает?
Вот перед нами пример — город, который погиб.
- 415 Тут долетают до наших ушей приятные вести,
Я уж едва не решил в Рим возвратиться опять.
Мы узнаем: префектура священного города, друг мой,
Вверена, милый, тебе: этого ты заслужил.
В песне хотелось бы мне назвать твое полное имя —
420 Но не ложится оно в строгую меру стиха.
Только я и могу сказать: «драгоценнейший Руфий!» —
Так называла тебя раньше страница моя.
Праздник, который когда-то моих удостоил пенатов,
Пусть украшает твои двери цветущим венком,
425 Ветви зеленые пусть выражают совместную радость, —
Я ведь немало душой к славе причастен твоей.
Именно, именно так на посту мне хотелось остаться —
Заново честь получив в том, кого сам предпочел.
- Вспять повернул Аквилон, и опять паруса мы готовим,
430 Только блеснула Заря, розовым правя конем.
Вот начинает показывать Корсика темные горы,
Слился с туманом совсем верх, что всегда в облаках.
Так пропадает луна, что лишь тонким серпиком светит,
Только глазами найдешь — вдруг исчезает опять.
435 Морем здесь путь недалек — и отсюда такое преданье:
Некогда бык, говорят, этот пролив переплыл,
А за сбежавшим быком устремилась на берег кирнейский
Женщина Корса, и здесь первой была из людей.
- Дальше мы в море идем, и Капрария нам показалась,
440 Черный остров, — приют тех, кто от света бежит.
Сами назвали себя они греческим словом «монахи»,
Жить им угодно одним, скрыто от всяческих глаз —
Счастье им трижды ужасно, несчастье трижды желанно —
Ищут несчастья они, чтобы счастливыми быть.
445 Так трепетать перед злом, что хорошего тоже бояться, —
Что, как не дикий бред явно нездравых умов?
Ищут ли казни за что-то они, забываясь в темницы,
Или у них в животе черная желчь разлилась?
Так Гомер приписал помрачению Беллерофонта
450 Именно эту болезнь — желчи избыток большой:
В самом ведь деле, когда поразило юношу горе,
То человеческий род стал ему так же не мил.

- Вдоль Волатерры плывем — этот край называется «Вады»;
Путь я поглубже ищу, плыть здесь опасно весьма.
- 455 Громко вперед смотрящий приказы дает рулевому,
Голосу следует руль, носу покорна корма.
Путь в этом трудном проходе «деревья» собой помечают:
С каждой его стороны вбитые колья стоят,
А чтобы было видней, к этим кольям привязаны ветви
- 460 Лавра, те, что пышней и широко разрослись.
Так между илистых двух Симплегад, где подводная заросль,
Ясно указан путь с помощью ставленных вех.
Здесь задержаться меня стремительный Кавр заставляет,
Ветер, который привык дебри лесные крушить.
- 465 Еле мы добрались под ливнем до виллы ближайшей,
Там обрели мы приют — виллой Альбин мой владел,
«Мой», потому что к нему перешла моя римская должность,
Власть моей тоги была через него продлена.
Раньше законного срока он в должность вступил по заслугам,
- 470 Юноша возрастом, но — старец серьезным умом.
Нравы похожие наши сошлись во взаимном почтенье,
И благосклонность росла в дружбе с обеих сторон.
Мог он меня превзойти — но мое предпочел руководство,
Только возвысив себя этой любовью ко мне.
- 475 Можно пока осмотреть солеварни в окрестностях виллы —
Так называют затон, полный соленой водой,
Где по наклонным каналам, прорезанным в почве, втекает
Море, и влагой поит множество мелких прудов.
В пору, как Сириус свой палящий огонь насылает,
- 480 Сохнет трава, и поля жаждут напиток воды,—
Шлюзы тогда закрывают и воду в канал не пускают —
И на горячей земле в сушу ссыхается хлябь.
Зерна соли в воде приемлют палящего Феба,
И под июльской жарой в плотный спекаются наст.
- 485 Так и неистовый Истр, когда подо льдом застывает,
Держит на твердой воде тяжесть огромных телег.
Тот, кто привык рассуждать о природе, пускай поразмыслит,
Как при явленье одном разный бывает исход:
Жидкость, замерзшая в лед, под солнцем теплеет и тает,
- 490 Но и наоборот, может от солнца застыть.
- О, сколь часто несчастье бывает причиною счастья!
Буря была страшна, а передышка мила:
Я повстречал Викторина, души моей лучшую долю,—
Так исполненье нашла общая наша мечта.
- 495 После паденья Толозы, скиталец в тускийских пределах
Вынужден был, поселясь, ларов чужих почитать.

- Мудрость, однако, его проблистала не только в несчастьях,—
 Был он таков же душой в пору, когда процветал.
Знали заслуги его Океан, и Фула, и дальний
500 Край, где пашет поля дикий Британии сын.
Там Викторин как викарий префекта справлял свою должность,
 Прибыль имея всегда в виде всеобщей любви.
Дальние эти места почти за пределами мира —
 Он же, как центром страны, краем земли управлял.
505 Это большая заслуга — средь тех уваженья добиться,
 Где не зазорно ничуть ненависть встретить в сердцах.
Нынче он при дворе получил светлейшее званье,
 Но отстранил почет, сердцем деревню любя.
Здесь, в объятьях его, обманул я коварные ветры,—
510 Чудилось, будто уже родина тешит меня.
- В блеске шафранном Аврора бездождных коней выпускает,
 С берега ветер велит к реям крепить паруса.
Дует легко, резная корма не качается в беге,
 Мягкий парус дрожит, правит им крепкий канат.
515 Вот островок Горгоны встает, опоясанный морем,
 Там, где Кирна — с одной, Пиза — с другой стороны.
Эти утесы его — примета недавнего горя:
 Римский здесь гражданин заживо похоронен.
Юноша наших семейств, потомок известного рода,
520 Знатную взявший жену, вдосталь имевший добра,
Бросил людей и отчизну, безумной мечтой обуянный,—
 Вера его погнала в этот постыдный приют.
Здесь обитая в грязи, ублажить он надеется небо,—
 Меньшей бы кара богов, им оскорбленных, была!
525 Разве это ученье не хуже Цирцеиных зелий?
 Та меняла тела, души меняют они.
- Вот Тритуррита — такое трехбашенной виллы название.
 В море вдается она, словно на острове встав.
И не задаром: вручную здесь камни натасканы в воду —
530 Прежде, чем выстроить дом, сделали почву под ним.
Рядом пизанский Порт приводит меня в восхищенье —
 Здесь и морские дары, здесь же и торг городской.
Дивный у местности вид: бьет в сушу открытое море,
 Тянется берег нагой, всем открываясь ветрам,
535 Выступа нет никакого на всем берегу, чтобы можно
 Было защиту найти против Эоловых гроз;
Дно же глубокое длинной морской окаймилось травой,
 Мягкая эта трава для кораблей не страшна,
Но умеряет она, клонясь, мятежные волны,
540 Не позволяя вставать с моря громадным валам.

- Эвр непогоду развеял, но мы отплываем не сразу —
Нужно еще посетить друга-Протадия мне.
Если по точным приметам узнать бы его захотелось,
Мысленно доблесть представь — сразу узнаешь его.
545 Живопись с помощью красок не лучше нам облик покажет,
Нежели душу его — смесь добродетелей всех.
В каждой черте у него несомненная видится мудрость,
И справедливости свет ярко горит на лице.
Мало того, что Галлия в нем земляка восхваляет,—
550 Сам державный Рим в нем предводителя чтит.
В Умбрии малый удел получив, он покинул отчизну,—
Для благородной души всякая доля равна.
Вместо большого на малое ум его мощный направлен —
Ведь и большие дела малостью были ему.
565 Малые были дома у тех, кто царей побеждали,
Малым наделом земли сам обладал Цинциннат,—
Скромность Протадия, думаю, столь же достойна почтенья,
Как и Серрана сошник, как и Фабриция дом.
- Вот наконец корабли на надежной стоянке оставив,
560 В Пизу я еду, куда ходят обычно пешком.
Дал мне коней и повозку товарищ по службе военной,
Ныне трибун,— полюбил я его с давней поры,
С тех времен, как у принцепса был я начальником ведомств
И у дворцовых дверей верную стражу держал.
565 Город передо мной, созданье старинных алфейцев,
С двух сторон текут возле него две реки —
Арн и Авзур перед ним треугольным сливаются клином,
И между ними на нет сходит большая земля.
Но при слиянии рек лишь одна сберегает название:
570 К морю приходит лишь Арн, общие воды неся.
Прежде того, как судьба к Лаврентским царям поселила
В Трое рожденных богов — мы их «пенатами» чтим,—
Здесь, в этрусском краю, возродилась элидская Писа —
Происхождение Пиз даже в названье дано.
575 Статую вижу я здесь отца моего дорогого,
В центре на площади он в граде пизанцев стоит;
Слышу, как хвалят покойного все, и готов разрыдаться —
Сразу и радость и грусть мне увлажняют глаза.
Был мой когда-то отец правителем в землях тирренских,
580 Ликтор носил перед ним шесть консулярских секир.
Помню, рассказывал он, что правление в области тусков
Нравилось больше ему прочих высоких постов:
Ни охрана священной казны — не высокая ль должность? —
Ни квестура ему столь не казалась мила.
585 Так он этрусков любил, что нимало бы не усомнился
И префектуре самой этот удел предпочесть.

- Да, мой отец не ошибся, любя, в любви этих граждан,
Здесь благодарность ему будет навеки жива:
Милостив был он и тверд, и об этом поведают детям
590 Те старики, кто еще видел отца моего.
Рады они, что и я не порочу отцовского рода,
И привечают меня нелицемерно вдвойне.
Часто, когда проезжал я дорогой Фламиния, ту же
Видел заботу к себе в память о славе отца.
595 Имя Лахания здесь лелеется благоговейно,
Чтит его Лидия вся, как имена земляков.
Нравы блюдет старины провинция славная эта,
Вот почему и дают добрых правителей ей:
Деций ныне таков, благородный потомок Луцилла,
600 Чья опекает рука пашни кортонских полей.
Не удивительно то, что в столь замечательном сыне
Счастлив видеть отец сходство с собою самим:
Ранящей песней сатира его насмехаться умела,
Ни Ювенал, ни Турн не были лучше его,
605 Твердой рукою судьи возрождал он забытую совесть
И, осуждая дурных, тем наставлял на добро.
Разве не он, честнейший хранитель священных сокровищ,
Прочь отогнал от казны гарпий, терзавших казну?
Гарпии эти весь мир когтями готовы расхитить,
610 Цепкою хваткой берут — что загребли, не отнять:
Арг из-за них окривеет, Линкей и вовсе ослепнет,—
Что для них сторожа! каждый грабитель — крылат.
Но при Луцилле настал конец грабежам бриарейским —
Он и одною рукой натиск сторукий отвел.
- 615 Вот уже я в Тритурриту вернулся из города Пизы,
Вот уже парус крепил — южные ветры ловить,—
Вдруг небеса вокруг грозовой омрачаются тучей,
Молнии там и здесь вспышками рвут облака.
Мы задержались: ну кто же отважится выйти навстречу
620 Разбушевавшимся волнам в час, когда буря пришла?
В ближнем лесу мы проводим от моря свободное время:
Славно, за зверем гонясь, тело свое поразмять!
Все, что нужно для ловли, дает нам хозяин усадьбы,
Даже охотничьих псов — норы чутьем находить.
625 Сеть раскинув и став в засаду, сражаем мы вепря,
Молнией хищных зубов страх наводившего здесь,
Вепря, которого сам Мелеагр побоялся бы тронуть,
Вепря, с которым едва сладил бы сам Геркулес.
Звонкое эхо на звуки рожка по холмам отвечало —
630 Легче добычу нести, если помощник — рожок.
С влажными крыльями Афр меж тем никак не желает
Черные тучи убрать, день обратившие в ночь.

- Вот уже утром заходят Гиады, омытые влагой,
 Вот среди зимних дождей, спрятавшись, Заяц исчез.
- 635 Эта звезда не сильна лучами — опасна волнами:
 Нет моряка, кто при ней в море решится отплыть.
 Заяц — небесный сосед Ориона, несущего бури,
 Он от палящего Пса, мокрый, спасается прочь.
- 640 Видим: со дна взметая пески, порыжела пучина,
 Видим: белеют поля, пеной покрыты морской.
 Кажется, сам Океан всю сушу залить устремился
 И хоть недолго, но власть солью терзает поля:
 Или отливом из мира иного он в наш ударяет,
 Или своею водой яркие звезды поит.

КНИГА ВТОРАЯ

- Книга была недлинна и в нетолстый свивается свиток,
 Так что по праву её можно продолжить ещё.
 Но непрерывным трудом легко породить отвращенье:
 Бросит читатель, боюсь, безостановочный сказ.
- 5 Пересидишь за столом — отвращение к пище получишь;
 Залпом не пей — и тогда жажду скорей утолишь;
 Кто от дороги устал, — тому передышкою будет
 Камень, что метит собой частые мили пути.
- 10 Что ж, разделяю рассказ и вторично, волнуясь, краснею,—
 Лучше бы было терпеть это единственный раз!
- Вот наконец мы свободны от плена морского ненастья,
 Можно из гавани Пиз в море открытое плыть.
 Тихая зыбь в дрожащих лучах улыбается мирно,
 Мягкая плещет волна за корабельной кормой.
- 15 Вот завиднелись уже отроги высот Апеннинских,
 С грохотом бьется волна в скалы высокие там.
 Если Италию, мира владычицу, умственным взором
 Хочешь представить себе, всю её видя зараз,
 Ты найдешь, что она на лист дубовый похожа —
- 20 Только с обеих сторон глубже втянулись бока;
 В ней от пролива Сикании до Лигурийских пределов
 Можно в длину насчитать тысячу тысяч шагов,
 А ширину изъедают заливами разных изгибов
 Ярость тирренской волны и Адриатики соль:
- 25 Там, где ближе всего они подступают друг к другу,
 Тысяч сто тридцать шагов есть между ними земли.
 В оба моря срединный хребет склоняет откосы:
 Где появляется Феб и окунается Феб.
 Бьется с востока далматская зыбь о высокие горы,
 30 Бьется о западный склон синий этрусский прибой.
 Если считать, что мир сотворен по разумным расчетам,

- Если в устройстве его замысел божий лежит,—
 То Апеннины стоят, как страж, охраняющий римлян,
 И замыкают их край трудными тропами гор.
 35 Страшен завистливый враг; показалось природе, что мало
 Силы в Альпийских горах от заальпийских угроз:
 Так ведь и в теле скрывает она средоточие жизни,
 Пряча за много преград то, что дороже всего.
 С самых древних времен не жалея оплотов для Рима,
 40 Боги пеклись о судьбе мест, где не встал еще Рим.

 Тем-то ещё и страшной злодейская кознь Стилихона:
 Тайну владычества он выдал врагам вековым.
 Римский род пережить надеясь собственным родом,
 В дикой ярости он горнее с дольным смешал.
 45 Сам ужасаясь на тех, от которых заимствовал ужас,
 Варваров он впустил в Лаций со смертным мечом,
 Незащищенное сердце страны он подставил оружию,
 Страшный явивши урон и своевольный обман.
 Рим остался открыт друзьям его, в шкуры одетым:
 50 Был он во власти врага раньше, чем взял его враг.
 Мало того, что предатель свирепствовал с шайками гетов:
 Сжег он свитки судьбы, весть из Сивиллиных уст!
 Мерзко нам, что Алфея сожгла головню Мелеагра,
 Птицы плачут, что Нис, пряди лишившийся, мертв,—
 55 А Стилихон пожелал погубить вековечное царство,
 Коему пряжа прядась на веретенах судеб!
 В черном Тартаре пусть от Нерона отступятся муки —
 Ждет стигийских огней злее казнямая тень!
 Смертную мать — Нерон, Стилихон же — бессмертную губит,
 60 Первый — только свою, этот же — мира всего.

 Сделали мы отступление, однако, весьма многословно:
 Вновь воротиться пора песне на лад путевой.
 Мы приближаемся, быстро скользя, к сияющим стенам,
 Яркая солнца сестра городу имя дала.
 65 Здешние камни горят белизною смеющихся лилий,
 И в разноцветных лучах гладкие глыбы блестят.
 Мрамором эта богата земля и в искристом сиянье
 Так же роскошно бела, как и нетронутый снег...

Поступила в редакцию 15.05.2014